

Левъ Толстой въ роли религіознаго наставника дѣтей.

По поводу книжки: „*Leo Tolstoi. Die Lehre Christi dargestellt für Kinder*“.

Интересъ Толстого къ вопросамъ воспитанія извѣстенъ. Первый практическій педагогической опытъ его относится къ весьма ранней порѣ его жизни, именно къ 1849 году, когда онъ впервые открылъ у себя въ Ясной Полянѣ школу для крестьянскихъ дѣтей. Затѣмъ слѣдовали его путешествія по Западной Европѣ съ цѣлью нагляднаго ознакомленія съ постановкой педагогического дѣла на западѣ, въ частности—въ Германіи и Франціи. Онъ познакомился съ нѣкоторыми извѣстными педагогами и посѣтилъ нѣсколько наиболѣе популярныхъ тогда педагогическихъ учрежденій. Получивъ почти вездѣ впечатлѣніе отрицательное, закритиковавъ, какъ совершенно по его мнѣнію несостоятельную, обычную „нѣмецкую“ педагогію—и въ теоріи ся и въ практическомъ примѣненіи таковой, Толстой вступилъ на свой педагогической путь a là Руссо: Яснополянская школа его стала практическимъ экспериментомъ для тѣхъ принциповъ „свободнаго“ воспитанія, въ которые увѣровалъ Толстой, а педагогическая статьи его—наиболѣе яркимъ выраженіемъ нового педагогического направлѣнія, которое въ то время начинало проявляться въ Россіи. Съ тѣхъ порѣ не только въ специальныхъ педагогическихъ статьяхъ, но и по самымъ различнымъ поводамъ, трактуя вопросы разнообразнаго содержанія и характера, Толстой нерѣдко возвращается все къ той же, очевидно, глубоко затронувшой его умъ

педагогической проблемѣ. Интересъ къ ней не угасъ въ его душе и сейчасъ Предъ нами дрезденское изданіе немецкаго перевода той книжки ого, которая, по мысли автора, должна служить религіозному воспитанію дѣтей. Это — „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“¹⁾.

„Въ прошломъ году, говорить авторъ въ „Предисловіи“, у меня образовалась маленькая школа изъ крестьянскихъ дѣтей 10—13-лѣтняго возраста. Желая передать имъ ученіе Христа такъ, чтобы оно было понятно для нихъ и оказало влияніе на ихъ жизнь, я объяснялъ имъ собственными словами тѣ мѣста изъ четырехъ Евангелій, которые представлялись мнѣ наиболѣе легко усвояемыми для нравственного руководства въ жизни. Чѣмъ болѣе я занимался этимъ, тѣмъ яснѣе становился мнѣ,—изъ пересказа дѣтей п изъ ихъ вопросовъ,—что наплегче понимается ими и что наиболѣе ихъ увлекаетъ. Принявъ это за руководящее начало, я составилъ предлагаемую книжечку. Думаю, что читателіе ея по главамъ, сопровождаемое попутными разъясненіями о возможности и необходимости примѣненія вѣчныхъ истинъ этого ученія къ жизни, должно оказаться благотворнымъ для дѣтей, которая, по слову Христа, особенно восприимчивы къ ученію о царствіи Божиемъ“²⁾. Такъ объясняетъ авторъ происхожденіе этой книжки своей, соответствующей представлять краткій, удобопонятный для дѣтей пересказъ наиболѣе, по мнѣнію Толстого, полезныхъ въ воспитательномъ отношеніи мѣстъ изъ ученія Христа Спасителя. Книга раздѣлена на 52 главки, сопровождаемыя цитатой тѣхъ мѣстъ Евангелій, на которыхъ ссылаются авторъ, и повторительными вопросами.

¹⁾ Leo Tolstoi. Die Lehre Christi dargestellt für Kinder
Einzigste autorisierte Uebersetzung aus dem Original-Manuskript
von Dr. A. Skarvan. Herausgegeben von Dr. E. H. Schmitt. Zweite Auflage. Dresden 1909 (SS. VII+113).

²⁾ Vorwort, S. VII.

По мнѣнію издателя нѣмецкаго перевода книжки, это произведение Толстою представляетъ очень большую цѣльность, какъ вполнѣ отвѣщающее по своему содержанію высокой цѣли, преднамѣчаемой для него авторомъ—служить руководствомъ для религіозно-нравственного воспитанія дѣтей въ духѣ ученія Христова. „Предлагаемый трудъ, говорить Е. Шмиттъ, въ своей высокой простотѣ вылился прямо изъ глубины души Толстого. На мѣсто противныхъ разуму и частию безнравственныхъ догматовъ.., которыми церковное мнимое христіанство (*kirchliches Scheinchristentum*), извращая глубокомысленные символы промылого, не боится отравлять души дѣтей и простого народа, Левъ Толстой хотѣть поставить простое, чисто человѣческое пониманіе возвыщенного ученія Нагорнаго проповѣдника и его притчей и аллегорій. Все мистически-темное, потустороннее, чѣмъ церкви и секты омрачаютъ кругозоръ дитяти, здѣсь разрѣшается въ человѣчески-возвышенныя представленія и чувства; все божественное и духовное возвращается въ свою сферу—общечеловѣческаго сознанія и общечеловѣческаго чувства.. Эта переработка имѣеть цѣлью прежде всего служить путеводиою нитью для учителей—воспитателей (и на первомъ мѣстѣ между ними для самихъ родителей), которые призваны содѣйствовать облагороженію души дитяти путемъ углубленія религіознаго міровозрѣнія его”¹⁾.

Дѣйствительно, рассматриваемая со стороны такого „упрощенія“ ученія Христова, при которомъ изъ него было бы изгнано все „*Ienseitiges*“—потустороннее и оставлено въ немъ лишь человѣческое, хотя бы и въ возвышенѣйшей формѣ, книжка Толстого достигаетъ своей цѣли. Авторъ ея тщательнѣйшимъ образомъ или затушевываетъ, путемъ своихъ собственныхъ толкованій, или и совершенно уничто-

¹⁾) Vorwort des Herausgebers, SS. V—VI.

жаетъ, путемъ неупоминанія, въ этомъ дѣтскомъ своемъ пересказъ ученія Христа Спасителя все, что такъ или иначе свидѣтельствуетъ о Его божествѣ и божественномъ характерѣ Его ученія.

Такъ обѣ Іисусъ Христъ говорится, что Онъ „родился 1908 лѣтъ назадъ отъ Маріи, жены Іосифа“, и до 30-лѣтняго возраста жилъ въ городѣ Назаретѣ съ матерью, *отцомъ и братьями своими* (S. 2)¹⁾. „Когда ему²⁾ было уже 30 лѣтъ, онъ узналъ, что народъ ходить слушать проповѣди одного святого пустынника. Пустынникъ этотъ назывался Іоаннъ. Итакъ, пошелъ и Іисусъ съ народомъ въ пустыню послушать проповѣдь Іоанна. Іоаннъ говорилъ, что приближается время Царства Божія, время, когда всѣ люди должны понять, что *всѣ они равны, что нѣть ни высшихъ, ни низшихъ*³⁾, что

¹⁾ Курсивъ вездѣ въ статьѣ нашъ.

²⁾ Приводя подлинныя слова Толстого, сохраняемъ и орографію его.

³⁾ Весьма трудно догадаться, на какомъ основаніи приписы ваетъ Толстой эту мысль Іоанну Крестителю. Откуда взялъ онъ ее, а равно и всѣ дальнѣйшія подробности, касающиеся отношенія Господа Іисуса Христа къ проповѣди Іоанна? Ничего этого въ евангельскихъ повѣствованіяхъ, на которыхъ отчасти ссылается и Толстой, нѣтъ. (См. Мк. III, 1—17; Мк. I, 1—11; Лк. III, 1—18. Ср. Ін. I, 19—34). Не уясняетъ вопроса и Толстовское „Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ евангелій“ (См. въ изданіи журнала „Всемірн. Вѣстн.“, Ч. I, СПБ. 1906, стр. 37—44). Но обращаясь къ его „Краткому изложенію Евангелія“, находимъ въ проповѣди Іоанна такое мѣсто: „Онъ (Іоаннъ) говорилъ: Голосъ взыскиває къ вамъ: ирложите въ глубину путь Богу, гравнійтъ иуть ему. Сдѣлайте такъ, чтобы все было *ровно*, чтобы не было ни впадинъ, ни возвышений, *ни высокаго, ни низкаго*“. При этомъ дѣлается ссылка на Лк. III, 4—5 (см. въ томъ же изданіи, стр. 2 и 93). Итакъ, не здѣсь ли разгадка нашего недоумѣнія? Какъ ни странно это, но повидимому въ словахъ пророка Исайи (XL, 3—5), предуказывавшаго на особаго Предтечу Мессію, ко-

всѣ должны жить въ любви и единодушіи между собою. Онъ говорилъ, что это время близко, но совершенно наступить только тогда, когда люди перестанутъ творить неправду"... (S. 2). Весьма важныя слова Иоанна Крестителя о Господѣ Иисусѣ Христѣ: „я крещу васъ въ водѣ въ покаяніе; но идущій за мною сильнѣе менѧ; я не достоинъ понести обувь Его. Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ“ (Аѣтѣ ѡрхѣ вахтѣзѣ єв Невѣхта Агїф кай турѣ: Ме. III, 11)—передаются коротко такъ: „я очищаю васъ водою, но сдѣлать васъ совершенно чистыми можетъ только духъ Божій въ васъ самихъ“ (SS. 3—4)¹⁾. И вотъ, всѣ эти „слова Иоанна о томъ, что люди должны измѣнить свою жизнь, чтобы наступило царство Божіе, и что люди могутъ очиститься только духомъ Божіимъ, глубоко западаютъ въ душу Иисуса. И чтобы обдумать все, что воспринялъ онъ отъ Иоанна, Иисусъ не возвратился домой, а остался въ пустынѣ“. Особенное внимание Его привлекла мысль Иоанна объ „очищенніи духомъ“. „Что значитъ очиститься духомъ Божіимъ?“ думалъ Иисусъ. Если это значитъ жить не для собственного тѣла, а для духа Божія, то (въ такомъ случаѣ), конечно, наступило бы царство Божіе, либо духъ Божій одинъ и тотъ же во всѣхъ людяхъ. Если бы всѣ люди захотѣли жить въ духѣ, то всѣ люди были бы едино, и царство Божіе наступило бы. Однако люди не могутъ жить только въ духѣ; они должны жить также и тѣломъ. Но когда они будутъ жить для тѣла, тѣлу служить, о немъ за-

торый „приготовитъ путь“ Ему, Толстой открылъ мысль, усвоенную имъ проповѣди Иоанна, о равенствѣ всѣхъ людей въ наступающемъ царствѣ Божіемъ.

1) Странная, пока еще совершенно непонятная мысль эта о какомъ-то „духѣ Божіемъ“ въ словѣкѣ, очищающемъ его, какъ видимъ, ни мало не отвѣчаетъ евангельскому тексту; но за то она очень нужна Толстому, въ чёмъ мы сейчасъ убѣдимся.

ботиться, то все́ они будуть жить обособленно, будуть жить такъ, какъ они и теперь живутъ, и царство Божіе никогда не придетъ. Что же дѣлать? думалъ Іисусъ. Жить только въ духѣ невозможно, а жить для тѣла, какъ теперь живутъ люди, есть зло, и если такъ будетъ итти жизнь, то все́ будутъ жить разрозненно, и царство Божіе никогда не придетъ. Что дѣлать? Умертвить свое тѣло, думалъ Іисусъ' нельзя, ибо духъ живеть въ тѣлѣ по волѣ Божіей. Умертвить себя значило бы поступить противъ воли Божіей. Такъ обсудивъ все это, онъ сказалъ себѣ: итакъ слѣдуетъ, что нельзя жить однимъ духомъ, такъ какъ духъ обитаетъ въ тѣлѣ. Съ другой стороны, нельзя жить и только тѣломъ, тѣлу служить, какъ дѣлаютъ все́ люди. Освободиться отъ тѣла, умертвить себя—также нельзя, ибо духъ живеть въ тѣлѣ по волѣ Божіей. Итакъ, что же нужно дѣлать? Нужно дѣлать одно: жить въ тѣлѣ, какъ Богъ того хочетъ, во, живя въ тѣлѣ, служить не тѣлу, а Богу". Послѣ такого рѣшенія Іисусъ оставилъ пустыню и отправился проповѣдывать Свое учение въ города и села (SS. 5—6)¹⁾.

1) Было бы совершенно напраснымъ трудомъ искать въ Евангеліяхъ какого нибудь указанія на все́ эти приписываемыя Толстымъ Іисусу Христу размышленія по поводу ученія Іоанна объ „очищеніи духомъ“. И смыслъ проповѣди І. Крестителя (по крайней мѣрѣ въ значительной части своей), и отношеніе къ ней Господа Христа, и все́ эти, нарочно приведенные нами въ буквальномъ видѣ, подробности якобы уясненія Имъ Себѣ этого ученія въ пустынѣ—плодъ тенденціознаго ложнаго tolkovaniia Толстымъ относящихся сюда мѣстъ Евангелій и, въ частности, еванг. повѣствованія объ искушениі Господа Іисуса Христа отъ дьявола въ пустынѣ (Толстой цитируетъ Мк. IV, 3—10 и Лк. IV, 3—15). Ср. его „Соединеніе, перев. и изслѣд. 4-хъ Евангелій“, ч. I, стр. 44—63, и „Кратк. излож. Евангелія“, стр. 3—4.

Такъ объясняетъ Толстой дѣтямъ явленіе въ міръ Господа Иисуса Христа и происхожденіе и сущность Его учения. Обыкновенный человѣкъ, сынъ плотника Іосифа, Иисусъ (не Христосъ и не Сынъ Божій, чудесно родившійся отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы) былъ глубоко заинтересованъ проповѣдью Іоанна въ пустынѣ о приближеніи новаго царства—“царства Божія”, характерною особенностью котораго будетъ равенство всѣхъ людей, а необходимымъ условиемъ для возвращенія его на землю—возрожденіе людей чрезъ какого то духа Божія, живущаго въ нихъ. Обдумавъ все это наединѣ, въ пустынѣ, Иисусъ вполнѣ уяснилъ себѣ это учение и вошелъ съ проповѣдью о немъ къ своимъ соотечественникамъ.

Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что въ такой формѣ величайшая тайна явленія въ міръ Сына Божія, освобожденная, дѣйствительно, отъ всѣхъ своихъ таинственныхъ цокрововъ, можетъ быть доступною и дѣтскому пониманію¹⁾. Въ такомъ „упрощеніи“ и итти дальше некуда. Но иной вопросъ: кто имѣетъ право, якобы въ педагогическихъ цѣляхъ, такъ „упрощать“ евангельскія истины—измѣнить самую сущность ихъ?²⁾ Никакія, конечно, педагогическія цѣли, въ смыслѣ возможно большаго приближенія евангельской исто-

¹⁾ Чего однако нельзя сказать о Толстовскомъ учениіи Іоанна объ „очищеніи людей живущимъ въ нихъ духомъ Божіимъ“. Этотъ пунктъ, какъ ни подробно останавливается на немъ Толстой, все же остается неяснымъ.

²⁾ См. Лк. I, 26—38. Мѣ. I, 18—25. Толстой цитируетъ только Мѣ. I, 18. Но вѣдь и въ этомъ стихѣ опредѣленно сказано: εὐρέθη ἐν γαστρὶ ἑγούσα ἐκ Πνεύματος Ἄγιου. Конечно, Толстому не оставалось ничего другого, какъ послѣднія три слова стиха выбросить, что онъ и сдѣлалъ въ переводѣ этого стиха въ своемъ „Евангелії“. См. „Соединеніе, переведовъ и изслѣдованіе 4-хъ Евангелій“, ч. I, стр. 33. Такъ же поступилъ онъ и съ Лк. I, 26—79.

рія къ дѣтскому пониманію, которая здѣсь яко бы имѣются въ виду, не могутъ служить оправданіемъ для такого иска-
женія евангельского текста. Но вѣдь такихъ цѣлей, такой
задачи здѣсь нельзя и ставить, выходя изъ соображеній
педагогического же характера: чудо безсѣменного зачатія
Христа Спятителя отъ Духа Святаго и Маріи Дѣви для ума
взрослаго человѣка должно представляться болѣе страннымъ
и непостижимымъ, чѣмъ для простой чистой души дитяти,
еще невѣдущей „естества уставовъ“. Здѣсь, въ этой невин-
ной дѣтской душѣ — такая пѣльная благодатная почва для
воспріятія и возрастанія съмянъ столь необходимой человѣ-
кѣ вѣры, что именно съ педагогической точки зреінія
было бы коренно ошибкою воспитанія не воспользоваться
этимъ временемъ и этимъ свойствомъ дѣтского существа
для надлежащаго развитія въ немъ религіозныхъ потребно-
стей его души, а въ связи съ ними и началь нравственной
жизни его. Правда, и Толстой и издатель вѣменецкаго пере-
вода его книжки Шмиттъ имѣютъ въ виду ту же цѣль—
дать руководство именно для *правильнаю*, по ихъ мнѣнію,
религіозно-нравственнаго развитія дѣтей на основѣ ученія
Христона. Однако между точкою зреінія Толстого и прия-
тою всѣми вѣрующими во Христа есть глубокое различіе
тотъ христіански-религіозный элементъ, который долженъ
служить надежнымъ базисомъ для нравственнаго развитія
дитяти, въ Толстовскомъ „ученіи Христа“ получаетъ слиш-
комъ своеобразное содержаніе, ничего общаго съ Евангель-
скимъ ученіемъ Христа не имѣющее. На мѣсто личнаго
Бога—Отца, посланнаго Имъ въ міръ единороднаго Сына
Его и обѣщаннаго Христомъ ученикамъ и испосланнаго
Духа Святаго, на мѣсто великой тайны искушленія міра и
всего того, что было связано съ нею во дни земной жизни
Господа и что можетъ быть воспринято лишь одною вѣ-
рою, Толстой ставитъ свою „религію“. Въ ней есть тѣ

подкупающая на первыхъ порахъ якобы религіозная „терминология“, которая взята имъ изъ Евангелій; это—выраженія: „Богъ“, „отецъ“, „сынъ Божій“, „сынъ человѣческій“, „духъ“, „духъ Божій“, „духъ истины“ и др. Однако одними этими выраженіями все заимствованіе Толстого изъ евангельского ученія, въ догматической части его, и ограничивается; содержаніе въ нихъ вложено Толстымъ свое, не только не отвѣчающее ученію Христову, но прямо направленное къ отрицанію его въ самомъ кориѣ его.

Чтобы достичь цѣли, Толстому пришлось не мало потрудиться надъ евангельскимъ текстомъ. Излагая ученіе Христа, онъ чувствуетъ твердую почву для себя лишь до тѣхъ поръ, пока ему приходится заниматься пересказомъ притчей и различныхъ наставлений Господа, имѣющихъ нравственно-руководственный характеръ. Но какъ быть тамъ, гдѣ Господь Іисусъ Христосъ говоритъ о Себѣ, какъ Сынъ Божіемъ, о Своемъ отношеніи къ Богу Отцу, о Своемъ божественномъ посланичествѣ въ міръ, о Духѣ Святомъ и т. д.? Какъ быть съ многочисленными чудесами, которыми полна Его земная жизнь? Здѣсь уже задача для Толстовскаго изложения евангельской исторіи осложняется и становится по мѣстамъ очень трудною. Правда, относительно чудесъ легко найти желанный выходъ: это—совершенно не говорить о нихъ дѣтямъ. И Толстой въ этомъ направленіи вполнѣ послѣдователенъ: въ своей книжкѣ онъ не даетъ мѣста ни одному изъ чудесъ евангельской исторіи. Что же касается догматической стороны ученія Христова, то чтобы перевести ее на языкъ дѣтей, въ сферу яко бы дѣтскаго представлениія и пониманія, Толстому приходится пользоваться тѣми способами и приемами, какие отчасти уже проявились передъ нами на первыхъ же страницахъ его книжки, именно—искажать евангельский текстъ: выбрасывать одно, вставлять другое, или же давать точнымъ евангельскимъ

словамъ свое толкованіе, совершенно имъ не отвѣчающее¹⁾. Въ своемъ сочиненіи „Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе четырехъ евангелій“ Толстой пускается при этомъ въ подробнѣя разъясненія, пытаясь по мѣстамъ обставить свои тенденціозныя толкованія даже мнимою эрудиціею; здѣсь же, въ простомъ пересказѣ для дѣтей, онъ этого, конечно, ужо и не считаетъ нужнымъ дѣлать, предлагая крестьянскимъ дѣтямъ своей школы и всѣмъ вообще желающимъ пользоваться его книжкою свое измышленное „ученіе Христа“ докторальнымъ тономъ. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ такого Толстовскаго пересказа глубочайшихъ истинъ, открытыхъ міру Христомъ Сыномъ Божіимъ.

Извѣстная рѣчъ Господа о Себѣ и Своемъ учени, сказанная Имъ у сокровищницы храма (Толстой цитируетъ Ін. VIII, 12—29), здѣсь такъ передается. „Онъ сказалъ, мое ученіе—свѣтъ міру. Кто принимаетъ его, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ ясно видѣть, что добро и что зло. Я учу тому, чemu учитъ каждого человѣка мой отецъ, душа, который меня послалъ“²⁾. Они сказали: „гдѣ твой отецъ?“

1) Въ своемъ „Краткомъ изложеніи Евангелія“ самъ Толстой объ этомъ такъ говорить: „читатель долженъ помнить, что не только не предосудительно откидывать изъ евангелій ненужныхъ мыста, освѣщать одни другими, но, на противъ того, неразумно не дѣлать этого, а считать извѣстное число стиховъ и буквъ священными“ (См. „Предисловіе“, стр. IX). Иначе говоря, съ евангельскимъ текстомъ каждый можетъ дѣлать, подобно самому Толстому, что ему угодно: „откидывать“ все, что показается „ненужнымъ“ здѣсь, и вставлять „нужное“ отъ себя.

2) Ни этихъ словъ, подчеркнутыхъ нами, ни хотя бы приблизительно такихъ въ Ин. VIII, 12—29 нѣть. Безъ справокъ въ „Евангеліи“ самого Толстого нельзя даже сказать, какій стихъ цитируемаго имъ мыста изъ Евангелія Иоанна разумѣеть здѣсь Толстой. Такъ стихи 16 и 18, оба заканчивающіеся слова: и: ὁ πέμψας Με Πατέρα и этимъ, по созвучію, какъ бы напомимъ:

Онъ отвѣчалъ: „если бы вы знали меня, то знали бы также и отца моего“. И сказали они ему: „кто же тогда ты?“ Онъ сказалъ: „я тотъ духъ, который не имѣлъ начала и не будетъ имѣть конца. Я сынъ человѣческій, но своимъ отцомъ признаю духа Божія¹⁾). Когда вы возвеличите въ себѣ сына человѣче-

нающіе слова Толстого, имѣютъ совершенно другое содержаніе. Ст. 16: „а если и сужу Я, то судъ Мой истиненъ, потому что Я не одинъ, но Я и Отецъ, пославшій Меня“. Ст. 18: „Я Самъ свидѣтельствую о Себѣ, и свидѣтельствуетъ о Мнѣ Отецъ, пославшій Меня“ (Кұф әїрі ө мұарторғын пәрі Әкаим, қал ұарторғы пәрі Әрб ө пәрүәж Мә Платон). И въ подробномъ изслѣдованіи Евангелій самого Толстого оба эти стиха переведены безъ искаженія смысла ихъ и именно—въ ст. 18 только слово „свидѣтельствую“ замѣнено словомъ „показываю“ (см. „Соед., перев. и изсл. 4-хъ Евангелій“, ч. II, стр. 129). Но въ его „Краткомъ излож. Евангелій“ этотъ же 18-й стихъ уже такъ передается: „кромѣ того я не одинъ учу, а тому же самому учить Отецъ мой—духъ“ (см. стр. 36 и 96),—т. е. близко къ тому, что встрѣчаемъ мы въ его дѣтскомъ пересказѣ „ученія Христова“. Какъ ясно видно изъ евангельского текста, въ стихѣ этомъ нѣтъ рѣчи объ *ученіи* Иисуса Христа и пославшаго Его какого то *духа*, а говорится о *свидѣтельствѣ* о Немъ—Его Самого и Отца Его. Толстой не только совершенно искажаетъ текстъ Евангелія, но при этомъ, чего нельзѧ не отмѣтить здѣсь, но остается вѣренъ и тому переводу, какой самъ же онъ далъ этому стиху въ своемъ изслѣдованіи Евангелій. Но конечно, съ точки зрѣнія самого Толстого, позволяющаго и даже рекомендующаго дѣлать съ евангельскимъ текстомъ, что кому угодно. все это не имѣетъ никакого значенія.

¹⁾ Въ Евангеліи Іоанна соответствующее мѣсто читается такъ: „Тогда сказали Ему: кто же Ты? Иисусъ сказалъ имъ: отъ начала сущій (въ славянскомъ переводѣ: начатокъ), какъ и говорю вамъ (тѣл әрүң, ө ти қал әладѣ әрү: Ін. VIII, 25). Въ своемъ „Соедин., перев. и изслѣд. 4 Еванг.“ Толстой этотъ стихъ такъ переводить: „И сказалъ имъ Иисусъ: прежде всего я то, что говорю вамъ“ (ч. II, стр. 130). Въ „Кратк. излож. Еванг.“ уже нѣсколько иначе: „Онъ сказалъ: съ самаго начала говорю вамъ:

скаго¹⁾), тогда узнаете, кто я, и поймете, что я ничего не дѣлаю и не говорю отъ себя, но дѣлаю и говорю лишь то, чemuя научилъ меня отецъ” (SS. 63—64).

Я сынъ человѣческій, признающій Отцомъ своимъ духъ“ (стр. 36). Какъ видимъ, опять мы имѣемъ дѣло съ Толстовскими „варіантами“: всѣ три различны, причемъ въ разматриваемомъ нами дѣтскомъ изложениіи „ученія Христа“ на вопросъ іудеевъ И. Христосъ отвѣчаетъ, что Онъ—„вѣчный духъ“, что какъ будто ближе стоитъ къ евангельскому тексту („отъ началъ сущій“), чѣмъ перевodъ этого мѣста въ Толстовскихъ „Евангеліяхъ“—и пространніемъ и краткомъ. Но добавленіе къ этому: „Я сынъ человѣческій, но своимъ отцомъ признаю духа Божія“ является совершенно неожиданнымъ и ровно ни на чёмъ не основаннымъ. Въ „Соедин., перев. и изслѣд. 4 Еванг.“ этихъ словъ въ 25 стихѣй нѣть, а стихъ 26-й Толстой находитъ „нужнымъ“ выпустить (стр. 130—131), вслѣдствіе неясности его. Между тѣмъ добавленіе это чрезвычайно важно. Оно даетъ то, чего нѣть не только въ этомъ мѣстѣ рѣчи Спасителя, но и нигдѣ въ Евангеліяхъ. Христосъ по Толстому, называетъ Отцомъ Своимъ не Бога, а какого то „духа Божія“. Что это за „духъ Божій?“ Очевидно, это тотъ же „живущій въ каждомъ человѣкѣ и очищающій его отъ грѣха духъ Божій“, о которомъ, по Толстому, проповѣдывалъ еще Иоаннъ Креститель и о которомъ, услышавъ проповѣдь Иоанна, размышлялъ И. Христосъ въ пустынѣ. Кто или что это, Толстой здѣсь не объясняетъ, говорить же объ этомъ „духѣ“ много разъ и въ другихъ мѣстахъ своего „ученія Христа“.

1) Ὅταν ὑφέστε τὸν Υἱὸν τοῦ Αὐτόφτοο—„когда вознесете Сына Человѣческаго“ (Ін. VIII, 28). Такъ переведено и въ Толстовскомъ „Изслѣд. 4 Еванг.“ (ч. II, стр. 131). Однако, очевидно, смыслъ этого перевода у Толстого совершенно не отвѣчаетъ общепринятыму—„церковному“. Смыслъ этого переданъ въ его „Кратк. излож. Еванг.“: „и когда возвеличите въ себѣ сына человѣческаго“ (стр. 36),—что, какъ видимъ, тождественно и съ пересказомъ этого мѣста въ его дѣтскомъ изложениіи „ученія Христа“. Толстой позволяетъ себѣ сдѣлать въ словахъ Спасителя, повидимому, лишь незначительную вставку отъ себя, именно—прибавляетъ къ нимъ слова „въ себѣ“ („когда вознесете, т. е. по Толстому возвели-

Далѣе, совершенно произвольно соединяя въ одну рѣчи Господа изъ Ин. X, 24—38 и VIII, 34—59¹⁾), Толстой вла- гаетъ въ уста Иисуса Христа, между прочимъ, такой от- вѣтъ іудеямъ, готовымъ побить Его камнями: „я сказалъ, я сынъ Божій и соединяюсь съ отцомъ, когда исполняю волю

читѣ—въ себѣ—Сына Человѣческаго“) Для чего же понадобилось Толстому это прибавленіе? Неужели только для облегченія дѣтямъ пониманія смысла этихъ словъ Спасителя? Но вѣдь смыслъ ихъ, если принять обычное толкованіе ихъ—какъ указаніе Госпо- домъ на предстоящую Ему крестную смерть—такъ простъ, что его легко пойметь всякий ребенокъ. Между тѣмъ вставка Толстого только затемняетъ его. Что значать слова: „когда вы вознесете (возвеличите) въ себѣ сына человѣческаго?“ Выраженіе настолько туманное, что, безъ сомнѣнія, должно вызвать недоумѣніе не только у ребенка, но и въ умѣ взрослого человѣка. Притомъ раз- рѣшить это недоумѣніе совсѣмъ не легко. Понадобятся, быть мо- жетъ, разъясненія дѣтямъ очень обширныя, которые могутъ при- нять у различныхъ педагогоў, особенно если они плохо ознако- мились съ „религіей“ Толстого, пожалуй, и не одинаковый смыслъ. Итакъ, очевидно, не въ дѣтскомъ упрощеніи євангельского уче- нія Христова здѣсь цѣль Толстого, а въ предвзятомъ тенденціоз- номъ искаженіи въ немъ всего, что хоть сколько нибудь выхо- дить изъ предѣловъ „общечеловѣческаго“. Христость, какъ че- ловѣкъ, хотя бы и идеальный, не могъ такъ просто, увѣренно и главное—съ такою точною опредѣленностью говорить о никому изъ людей невѣdomомъ будущемъ. Допустить это было бы непослѣдовательностью со стороны Толстого, въ частности же въ пересказѣ ученія Христова дѣтямъ допустить это значило бы вызвать съ ихъ стороны такие вопросы, отвѣтить на которые можно только указаніемъ на божественную сторону личности Христа. Есте- ственно, что такой непослѣдовательности не позволилъ себѣ Тол- стой и совершенно измѣнилъ смыслъ простыхъ словъ Христа.

1) Такъ цитируетъ эту главу въ своей книжѣ самъ авторъ, и такое соединеніе является также однимъ изъ обычныхъ прев- мовъ Толстого, не стѣсняющагося ничѣмъ въ своемъ пересказѣ ученія Христова. Послѣдовательность рѣчей Господа, время, мѣсто ихъ и т. п., повидимому, не имѣютъ для Толстого никакого зна-

Его¹). Кто признает себя сыномъ Божиимъ, тот перестаетъ быть рабомъ и получаетъ вѣчную жизнь. И какъ рабъ не всегда остается въ домѣ господина, а сынъ навсегда, такъ и человѣкъ, если онъ живетъ въ духѣ. Онъ соединяется съ отцомъ и живеть вѣчно²). Истинно говорю вамъ, кто пре-

чения. Онъ задается цѣлью передать въ извѣстной, яко бы евангельской, формѣ то, что представляется ему полезнымъ для дѣтей, и воть, не задумываясь надъ евангельскимъ текстомъ, береть изъ него до извѣстной степени отвѣчающія его цѣлямъ мѣста и кроить изъ нихъ, что ему угодно, разрывая и соединяя текстъ вполнѣ произвольно, руководясь лишь своею идею.

¹⁾ Откуда взялъ эти слова Толстой? Въ I. X, 34—38, гдѣ нужно бы искать ихъ, мы ихъ не находимъ. Нѣтъ этихъ словъ и въ другомъ отрывкѣ—I. VIII, 34—59, въ которому непосредственно послѣ этого переходитъ Толстой, чтобы, вырвавъ и отсюда нѣсколько фразъ, представить все это въ формѣ одной цѣльной рѣчи Иисуса Христа.

2) Въ относящихся, повидимому, сюда 34—36 стихахъ 8-й главы Евангелия Іоанна читаемъ: „Иисусъ отвѣчалъ имъ: истинно, истинно говорю вамъ: всякий, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха; но рабъ не пребываетъ въ домѣ вѣчно: сынъ пребываетъ вѣчно; итакъ, если Сынъ освободитъ васъ (*εὰν οὖν ἐλέει μέρος*), то истинно свободны будете“. Можно ли, хотя бы путемъ отдѣленныхъ логическихъ заключеній, вывести изъ этихъ словъ Христа Спасителя тотъ смыслъ, какой усвояетъ имъ Толстой? Ясно, о какомъ *Сынѣ*, пребывающемъ вѣчно въ домѣ Отца и потому имѣющемъ силу и власть освободить человѣка отъ рабства грѣху, говорить Христосъ. Толстой, боясь признать за Христомъ такую Божескую власть, конечно, долженъ былъ или опустить это мѣсто въ Его рѣчи или совершиенно измѣнить его, соотвѣтственно своей „религіи“. Онъ сдѣлалъ послѣднее, и вотъ на мѣсто Сына Божія—Христа у него явился сынъ Божій—всякий человѣкъ, „живущій въ (какомъ то) духѣ“ и тѣмъ освобождающійся отъ грѣха, соединяющійся съ „отцомъ“ (съ какимъ?) въ живущій вѣчно. Метафизика слишкомъ туманная вообще, чтобы можно было разсчитывать путемъ какихъ-нибудь разсужденій приблизить ее еще къ дѣтскому пониманію. Ср. „Соед., перев. и

бываетъ въ словѣ моемъ, тотъ не увидитъ смерти вовѣкъ". На возраженіе іудеевъ противъ этого, что даже и Авраамъ и пророки умерли, Іисусъ сказалъ: „истинно, истинно го-ворю вамъ: еще прежде, чѣмъ былъ Авраамъ, я былъ“¹⁾. После этого, наконецъ, Толстой находитъ нужнымъ приба-вить нѣсколько словъ въ разъясненіе всего этого, какъ видимъ, весьма туманного и потому совершенно непонятнаго ученія якобы Христа. „Іисусъ говорилъ тогда, поясняетъ Толстой, о духѣ Божіемъ, который живъ въ немъ и живетъ въ каждомъ человѣкѣ и который не имѣетъ ни начала ни конца. Но они не поняли его“ (SS. 65—66).

Полагаемъ, что не поняли бы и послѣ такого разъясне-нія, какое предложилъ здѣсь Толстой. Въ самомъ дѣлѣ, не памаєтъ ли онъ, что послѣ этихъ словъ его должна упасть

изслѣд. 4 Еванг.“ ч. II, стр. 132—133: Толстой 36-й стихъ счи-таетъ „неяснымъ“ и даетъ свое „разъясненіе“ его.

1) Очевидно, приводятся стихи 51 и 58, но смыслъ ихъ дол-женъ пониматься дѣтьми, конечно, въ духѣ той же таинственной Толстовской „религії“. Въ своемъ „Соед., перев. и изслѣд. 4 Еванг.“ Толстой Ін. VIII, 51 такъ переводить: „истинно говорю вамъ: ести кто разумѣнівъ мое постигнетъ (εάν τις τού Θρόνου πρόρεται: „аще кто слово Мое соблюдетъ“), но увидитъ смерти вовѣкъ.“ Смыслъ же всего этого мѣста въ рѣчи Господа Тол-стымъ такъ „разъясняется“: „тотъ, кто въ себѣ возвеличитъ сына человѣческаго—разумѣніе, тотъ получить жизнь и не умреть, потому что это разумѣніе есть Богъ и другого нѣть, и что онъ (Христосъ) не можетъ скрыть ого, если бы и хотѣлъ. Когда они говорятъ: „какъ же не умреть“, онъ говоритъ, что разумѣніе есть одно, что оно есть и было прежде Авраама, что оно вѣн-времени“ (ч. II, стр. 135—136) Можно бы спросить: неужели Толстой серьезно считаетъ всю эту „религіозную философию“ свою, хотя бы и при свѣтѣ такихъ его собственныхъ разъясне-ній, болѣе доступною дѣтскому пониманію и болѣе полезною для нравственнаго воспитанія дѣтей, чѣмъ евангельское ученіе Іисуса Христа въ обычномъ „церковномъ“ толкованіи его?

повязка съ глазъ читающихъ или слушающихъ его книжку дѣтей (да и дѣтей ли только?), и они поймутъ всю ту пустаницу отвлеченныхъ философскихъ идей, которою хочетъ Толстой замѣнить совершенно доступное, при всей высотѣ его, всякому вѣрующему сердцу и дитяти и взрослаго человѣка ученіе Христа о живомъ личномъ Богѣ Отцѣ и о Себѣ, какъ Сынъ Божіемъ и потому имѣющемъ ту же Божескую силу и власть? Гдѣ есть образность, наглядность, тамъ педагогія на вѣрномъ пути къ легкому и прочному усвоенію дѣтьми предлагаемаго имъ знанія. Такимъ именно характеромъ и отличается ученіе Господа Іисуса Христа—и не только тамъ, гдѣ облечено оно въ форму наглядныхъ прімѣровъ, сравненій, притчей, но даже и въ наиболѣе возвышенной и таинственной области своей, и именно потому, что дѣтскому представлению совершенно доступны образы—не отвлеченные понятія или идеи, а именно образы—живого личнаго Бога Отца и такого же сына Его. Поставьте на мѣсто ихъ то, чему учитъ Толстой якобы отъ имени Христа, и что получается?

Есть какой то духъ Божій, не имѣющій ни начала, ни конца и живущій въ каждомъ человѣкѣ. Если человѣкъ „живеть въ этомъ духѣ“ (т. е. согласно его указаніямъ?), то онъ—сынъ Божій, освобождается отъ грѣха, соединяется съ отцомъ (т. е. съ Богомъ?) и живетъ вѣчно. Такимъ сыномъ Божіимъ и былъ Христосъ. Вотъ вся „религія“ Толстого, поскольку можно представить ее, синтезировавъ относящіяся сюда уже известныя намъ отдельныя выраженія его, усвоенныя имъ Христу. Въ какого „Бога“ вѣрюетъ Толстой, т. е. какъ понимать этого „Бога“ его, „отца всѣхъ людей“? Понидимому, это не личное существо, а какая то сила, разлитая во всемъ мірѣ, или какое то начало жизни, совершенно непонятное въ томъ толкованіи, какое даетъ ему здѣсь Толстой. Что такое, далѣе, тотъ „духъ Божій“, который живеть въ душѣ каждого человѣка? Какъ узнать

въ себѣ велѣнія этого „духа“, чтобы жить согласно съ ними? Если бы голосъ его былъ и понятенъ человѣку, то почему человѣкъ долженъ непремѣнно повиноваться ему: на чёмъ основывается авторитетъ этого „духа“, да и самого „Бога“, какъ представляеть его Толстой? Откуда такая все-могущая сила этого „духа“, которою человѣкъ можетъ освободиться отъ грѣха? Что это за соединеніе съ отцомъ и вѣчной жизнью? На всѣ эти вопросы Толстой не даетъ отвѣта здѣсь, въ своемъ дѣтскомъ изложеніи „ученія Христова“, предполагая, очевидно, обязательнымъ для каждого, желающаго руководиться этою его книжкою при религіозномъ наставлѣніи дѣтей, предварительное подробное знакомство съ его „религіозною философіей“ по другимъ сочиненіямъ его. Однако и обратясь къ немъ, найдемъ ли мы у Толстого тотъ ясный и опредѣленный отвѣтъ на всѣ эти вопросы, какой не только желателенъ, но прямо необходимъ для того, чтобы итти вслѣдъ за нимъ въ построеніи жизненнаго міровоззрѣнія на религіозныхъ и притомъ якобы христіанскихъ основахъ? Вотъ, напр., нѣсколько, повидимому, довольно выразительныхъ изъ относящихся сюда мыслей Толстого, которыя мы позволимъ себѣ привести здѣсь, чтобы до пѣкоторой степени припомнить его „религію“, претендующую называться христіанскою.

„Всѣ не могутъ не признавать того, говорить онъ, что всѣ произошли и находятся въ зависимости отъ одного и того же начала, которое Христосъ называетъ Отцомъ, и что смыслъ нашей жизни въ томъ, чтобы исполнять Его волю, волю этого начала, и употреблять жизнь на то самое дѣло, для которого она дана памъ“¹⁾. Что разумѣеть Толстой подъ этимъ началомъ, которое называетъ также „Бо-

1) „О смыслѣ жизни. Мысли Л. П. Толстого, собр. Вл. Чертковымъ“, СПБ. 1906, стр. 39 и мн. др.

гомъ“? Это – „существо“, но не личность. „Говорить: Бога надо понимать какъ личность. Въ этомъ большое недоразумѣніе; личность есть ограничение Человѣкъ чувствуетъ себя личностью только потому, что онъ соприкасается съ другими личностями. Если бы человѣкъ былъ одинъ, онъ бы не быть личность... Но какъ же про Бога сказать, что Онъ личность, что Богъ личный. Въ этомъ корень антропоморфизма“¹⁾. „Мѣстоимѣніе онъ уже нѣсколько нарушаетъ для меня Бога. „Онъ“ какъ то умаляетъ Его“²⁾. Это – „Кто-то“, „Что-то“, „не часть, а начало началъ“³⁾. „Чтобы знать Бога и опираться на Него, нужно понимать Его наполняющимъ все и вмѣстѣ съ тѣмъ единымъ“⁴⁾. Но какъ же представлять это „наполненіе Богомъ всего“? Что это значитъ: „Онъ – все, Отецъ“⁵⁾. „Вы говорите, что я какъ будто не признаю Бога. Тутъ недоразумѣніе. Я ничего не признаю кромѣ Бога... Богъ это то все, безконечное все, чего я сознаю себя частью. И потому все во мнѣ граничитъ Богомъ“⁶⁾... Нельзя сказать, чтобы этими и другими такими же выраженіями Толстой хоть сколько нибудь прояснить свою идею „наполненія Богомъ всего“. Въ какомъ отношеніи находится этотъ Богъ его къ міру и человѣку?

„Одно изъ самыхъ путающихъ всѣ наши метафизические понятія суевѣрій, говоритъ Толстой, есть суевѣріе о томъ, что міръ сотворенъ, что онъ произошелъ изъ ничего

¹⁾ „Мысли о Богѣ Льва Толстого“, СПБ. 1906, стр. 15; ср. стр. 9, 13 – 14. Личность, какъ единство самосознанія и высшая форма бытія, отнюдь не можетъ быть признана ограничениемъ идеи Бога.

²⁾ Тамъ же, стр. 4.

³⁾ Тамъ же, стр. 5.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 16.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 20.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 21.

и что есть Богъ творящій¹⁾), Въ сущности мы не имѣемъ никакого основанія предполагать Бога творца и никакой нужды (китайцы и индійцы не знаютъ этого понятія)²⁾, а между тѣмъ Богъ творецъ и промыслитель не можетъ совмѣститься съ христіанскимъ Богомъ—отцомъ, Богомъ—духомъ... Богомъ—любовью³⁾). Послѣднія слова особенно характерны: они показываютъ, какъ удивительно „своеобразно“ понимаетъ Толстой христіанство. Однако какъ же всетаки представлять Бога и міръ въ ихъ взаимоотношенияхъ? Человѣкъ, по Толстому, часть Бога. „Я—часть, Онъ все. Я себя не могу иначе понимать, какъ часть Его“⁴⁾... Я весь окруженъ Имъ, отъ Него пришелъ, къ Нему иду, составляю часть Его, дѣтище Его⁵⁾). Объ этомъ отпоше вій человѣка къ Богу, какъ части къ цѣлому, Толстой много разъ говоритъ. Однако что это за *частичность*? „Богъ во мнѣ. Но Богъ безконечное начало: какъ же, зачѣмъ Онъ очутился во мнѣ?“... „Богъ—это неограниченное все то, что я знаю въ себѣ ограниченнымъ: я—тѣло ограниченное, Богъ—тѣло (!) безграничное; я—существо, жившее 63 года, Богъ—существо, живущее вѣчно... Почему то ограниченная частица Бога составляетъ наше дѣйствительное я“⁶⁾). Въ этомъ раздѣленіи безконечнаго цѣлаго на части и заключается жизнь.

¹⁾ Напротивъ, только эта идея о сотвореніи міра Богомъ и можетъ легко распутать всѣ наши метафизические блужданія вокругъ неизбѣжного вопроса о происхожденіи міра.

²⁾ Основаній множество, а нужда неотложная. Китайцы же и индійцы съ ихъ конфуціанствомъ и даосизмомъ, браманствомъ и буддизмомъ могутъ служить доказательствомъ лишь для Толстого, преклоняющаго предъ религіозною философіей востока.

³⁾ Тамъ же, стр. 8.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 7.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 10.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 7 и 17.

„Зачѣмъ Богъ раздѣлился самъ въ себѣ? Не знаю, но знаю, что это есть, что въ этомъ жизнь. Все, что мы знаемъ, есть не что иное, какъ только такое же дѣление Бога. Все, что познаемъ, какъ міръ, есть познаніе этихъ дѣлений. Наше познаніе міра (то, что мы называемъ матеріей въ пространствѣ и во времени) это—соприосновеніе предѣловъ нашего Божества съ другими Его дѣлѣніями”¹⁾.

Итакъ, у Толстого получается, какъ будто, отожествленіе Бога съ міромъ, по существу. Это одна субстанція: Богъ—все, цѣлое; міръ—это лишь части, частичный дѣлѣнія одного цѣлаго, одной и той же сущности, одной силы, одного начала. Если такъ, то что же значитъ подчиняться волѣ этого Бога и какъ можно не подчиняться ей, если человѣкъ—это тотъ же Богъ, только, такъ сказать, въ частичномъ видѣ Его? Между тѣмъ Толстой говорить объ этомъ весьма часто. Какъ же понимать это подчиненіе человѣка волѣ Бога?

Жизнь человѣческая, по Толстому, это проявленіе одной и той же силы—силы Божией. „Жизнь моя... есть сила Божия, есть вся сила жизни, которая проходитъ чрезъ меня, черезъ (ограниченное и органическое) часть всего, и я могу пропускать чрезъ себя эту силу и могу задерживать ее. Вотъ, вся моя роль въ жизни: задержать я не могу, но могу задерживать. Жизнь міра мнѣ представляется такъ: чрезъ бесчисленные и разнообразныя трубочки стремится жидкость, или газъ, или свѣтъ. Свѣтъ этотъ есть вся сила жизни—Богъ. Трубочки эти—мы всѣ, существа... Мы можемъ совсѣмъ пропускать свѣтъ и можемъ загораживать его на время. То, что мы называемъ своею жизнью, личной жизнью—это способность стать поперекъ свѣту—не пропускать его; птицкая же жизнь есть способность стать такъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 17. Съ какими: съ „матеріей въ пространствѣ и времени“? Не ясно.

чтобы пропускать свѣтъ вполнѣ, не задерживая его. Но когда человѣкъ сталъ такъ, движеніе его жизни кончается... Тогда онъ переносить свою жизнь въ то, что проходитъ че roarъ него, въ Бога... Устанавливается одинаковость направлений, движеніе прекращается, плотская личная жизнь кончается, я перехожу въ силу, проходящую черезъ меня¹⁾. Какъ понять эти слова Толстого въ приложеніи ихъ къ требованію исполнить волю Божію, въ чёмъ и заключается, по Толстому, смыслъ человеческой жизни? Выходитъ какъ будто такъ, что воля эта можетъ быть исполнена человѣкомъ лишь тогда, когда человѣкъ уже перестаетъ жить „плотскою личною жизнью“ и умираетъ: „трубочка“ перестаетъ стоять „поперекъ свѣту“ и становится такъ, что „свѣтъ вполнѣ проходитъ че roarъ нее“. Если человѣкъ въ своей жизни призванъ играть лишь одну роль— пропускать „чесеъ себѣ“ ту силу жизни, въ которой проявляется Богъ, то очевидно онъ и долженъ это дѣлать. Между тѣмъ возможно ли это вообще, по Тостовской философіи, для человѣка въ его обыкновенной, по необходимости плотской и личной жизни? Повидимому, совершенное выполненіе такой роли своей уже равносильно смерти человѣка. Но вѣдь по смертью же, а именно жизнью свою человѣкъ долженъ выполнить волю „пославшаго его въ міръ Начала“. Толстой, решая вопросъ о смыслѣ жизни, много разъ повторяетъ, что онъ заключается въ „любви къ ближнимъ“, въ „единеніи всего живого“, въ „единеніи и служеніи другъ другу“²⁾. Слѣдовательно, рѣчь идетъ о жизни человѣка, а не о смерти. Не разъ, далѣе, останавливается онъ и на вопросѣ о при-

¹⁾ „О смыслѣ жизни“, стр. 44—45.

²⁾ „О смыслѣ жизни“, стр. 39 и мн. др. „Мысли о воспитаніи и обученіи. Собранныя Влад. Чертковымъ“. СПБ. 1906, стр. 7—8.

знакахъ „жизни по волѣ Божій“ (а не смерти) и указываетъ таковыя¹⁾). Получается такимъ образомъ какое то не- понятное какъ бы противорѣчіе у Толстого, которое не вполнѣ разрѣшается и наиболѣе серьезнымъ и есть философ- скихъ произведеній его—„О жизни“. Здесь онъ подробно излагаетъ свой взглядъ на жизнь—1) „истинную“, какъ на „движение въ высоту“, „стремленіе отъ зла къ добру“, какъ на „подчиненіе животной личности закону разума“, совершающееся „внѣ пространства и времени“²⁾ и 2) жизнь „въ ходящемъ представлениі ея“, какъ „движение въ плоскости“, какъ „кусокъ времени отъ рожденія и до смерти“³⁾, какъ „тѣ видимыя явленія, которые происходятъ въ моемъ тѣлѣ отъ рожденія и до смерти“⁴⁾, и что на самомъ дѣлѣ „не есть жизнь человѣческая, а только существованіе человѣка, какъ животной личности“⁵⁾). Здесь же развивается и соотвѣтствующій взглядъ его на смерть, лишь какъ на „вступленіе въ новое отношеніе къ миру“, и на бессмертіе⁶⁾). Не считаемъ умѣстнымъ входить здесь въ болѣе подробное ознакомленіе съ этою стороною міровоззрѣнія Толстого, что для нашей цѣли и не требуется⁷⁾.

Какъ опредѣлить теперь эту религіозную философию Толстого по наиболѣе характернымъ признакамъ ея? Повидимому, она ближе всего подходитъ къ пантегиизму и имен-

¹⁾ О смыслѣ жизни, стр. 16—17, 20.

²⁾ См. „О жизни. Графа Л. Н. Толстого. Со 2 изд. „Свободн. Слова“ В. Г. Черткова“, СПБ 1906, стр. 9, 15, 53, 54, 55 и мн. др.

³⁾ Тамъ же, стр. 53 и 58.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 93.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 58.

⁶⁾ Тамъ же, гл. XXVIII—XXXIII.

⁷⁾ См. обстоятельный критический разборъ у проф. А. А. Козлова: „Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“. Вопросы философи и психологіи 1890 г. кн. 5, 1891 г. кн. 6—8.

но въ идеалистическомъ направлениі его. Однако самъ Толстой отрицаетъ это, выясняя свое пониманіе Бога. „Про Бога можно сказать только то, говоритъ онъ... что Онъ одинъ; и то одинъ не въ томъ смыслѣ, что нѣтъ другого или другихъ божествъ..., а въ томъ смыслѣ, что Онъ однозначенъ, что Онъ не понятие, а существо,—то, что православные называютъ (?) живымъ Богомъ въ противоположность Богу пантейстическому, т. е. высшее существо духовное, живущее во всемъ“¹⁾). Итакъ, по его собственнымъ словамъ, Толстой не пантейстъ: онъ признаетъ Бога—какое то живое духовное существо, ссынаясь при этомъ почему то даже на „православныхъ“, между тѣмъ какъ онъ же сливаетъ этого Бога своего не только съ лучшою духовной стороныю всего человѣчества, но повидимому, со всѣмъ міромъ вообще, чего ни православные и никакіе другіе христіане не дѣлаютъ. Что же послѣ этого представляеть религіозное міровозрѣніе Толстого? Это какой то трудно понимаемый по своей не опредѣленности и туманности, спутанный, непослѣдовательный, усиливающійся пристегнуть къ своей пантейстической метафизикѣ высокую мораль христіанства браманизмъ или буддизмъ въ Толстовской формѣ²⁾.

Уже изъ этихъ бѣглыхъ выдержекъ, полагаемъ, можно видѣть, какою будто бы простою, удобопонятною философіей хочетъ Толстой замѣнить основные догматы ученія Христова и преподнести эту пантейстическую туманную „религію“³⁾ свою въ формѣ рѣчей Самого Христа Спасителя

¹⁾ „Мысли о Богѣ“, стр. 15.

²⁾ Недаромъ Толстой такъ любить ссылаться на восточныхъ мудрецовъ—Конфуція, Будду, Браминовъ, Лаодзы и др., презрительно отосясь въ то же время къ представителямъ современной науки. См., напр., „О жизни“, стр. 18—19, 21—22, 74.

³⁾ Можно ли говорить о *религіи* въ собственномъ смыслѣ этого слова безъ идеи личного Бога? Если Богъ—все и все—Богъ,

дѣятъ Между тѣмъ ее мы находимъ въ Толстовскомъ пересказѣ „ученія Христа“ для дѣтей вездѣ, гдѣ только рѣчь идетъ о возвышеннѣйшой, догматической сторонѣ этого ученія.

Такъ, на вопросъ Іисуса Христа, обращенный къ ученикамъ: „что вы думаете о Моемъ ученіи?“ Симонъ Петръ, по словамъ Толстого, сказалъ Ему: „по моему мнѣнію ты учишь, что *въ каждомъ человѣкѣ живетъ духъ Божій* и что поэтому *каждый человѣкъ можетъ быть сыномъ Божиимъ*“ (S. 73)¹⁾

то ясно, что здѣсь нѣть тѣхъ двухъ субъектовъ, тѣхъ отдельныхъ двухъ „я“, которые съ необходимостью мыслятся въ понятіи о „религії“, какъ о взаимообщеніи между человѣкомъ и Богомъ, какъ объ извѣстныхъ, проникнутыхъ особымъ характеромъ отношеніяхъ между ними. Философская система, отрицающая личного Бога, уже тѣмъ самыемъ уничтожаетъ, выбрасываетъ изъ своихъ построеній религіозный элементъ въ собственномъ смыслѣ; допуская же таковой, она становится въ неизбѣжное самопротиворѣчіе, или употребляетъ терминъ „религія“ въ какомъ нибудь другомъ смыслѣ.

1) Въ Ме. XVI, 16 читаемъ: „Симонъ же Петръ отвѣчая сказалъ: Ты Христостъ, Сынъ Бога живаго“ (Σὺ εἶ ὁ Χριστός, ἐγώ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζωῆτος). Одинъ изъ примѣровъ обращенія Толстого съ евангельскимъ текстомъ: изъ признанія ап. Петромъ въ своемъ Учителѣ Христа Сына Божія Толстой сдѣлалъ признаніе ап. Петромъ *въ каждомъ человѣкѣ духа Божія и сына Божія*. Между тѣмъ въ его же „Соед., перев. и изслѣд. 4 Еванг.“ (ч. II, стр. 156) этотъ стихъ такъ переведены: и въ отвѣтъ сказалъ ему Семенъ, по прозванию камень: Ты Христостъ, сынъ Бога живого“. Присоединяя сюда непосредственно Ін. VI, 68: „въ тебѣ слова вѣчной жизни“ (переводъ Толстого), оба стиха Толстой такъ поясняютъ: „Семенъ понялъ вполнѣ то, что говорилъ о себѣ Іисусъ Христостъ, и вполнѣ выразилъ это. Онъ сказалъ: ты то, что ты говоришь, въ тебѣ слово жизни, ты сынъ жизни, твоё учение—жизнь“ (стр. 156—157). Какъ видимъ, здѣсь, даже и при такомъ соединеніи и толкованіи, все же нѣть вполнѣ того, что дается Толстымъ въ его дѣтскомъ пересказѣ „ученія Христа“. Ср. еще „Кратк. излож. Еванг.“, стр. 41.

Въ другомъ случаѣ, рассказывая съ вымышленными подробностями о томъ, какъ Іисуса Христа хотѣли „слушать и язычники—греки (у Ин. X, 20: τινὲς Ἐλλῆνες) и какъ Филиппъ и Андрей будтобы „боялись, что народъ озлобится на Іисуса за то, что онъ не дѣлаетъ никакого различія между іудеями и другими народами“, Толстой повѣстуетъ: „когда Іисусъ узналъ, что греки хотятъ учиться у него, онъ сначала смущился Онъ зналъ что еслибы онъ не дѣлалъ никакого различія между іудеями и язычниками, то народъ озлобился бы на него. Но тотчасъ же онъ овладѣлъ собою и сказалъ¹⁾: „нѣть никакого различія между іудеями и язычниками и сынъ человѣческий во всѣхъ людяхъ одинъ и тотъ же. Пусть я пострадаю изъ-за этого, но пришло время признать сына человѣческаго, признать одною (курсивъ этого слова—у Толстого) духа Божія во всѣхъ людяхъ“²⁾. „Отецъ,

¹⁾ Для чего нужно было Толстому придумывать все эти странные подробности—о боязни учениковъ, о смущеніи Іисуса Христа и измыслить причины для нихъ, когда въ евангельскомъ текстѣ (Ин. XII, 20—22) нѣть даже никакого намека на чтонибудь подобное? Нѣть этихъ подробностей и въ „Соед., перев. и изслѣд. 4 Еванг.“ (см. ч. III, стр. 76—78), но они есть въ „Кратк. излож. Еванг.“ (стр. 54).

²⁾ Ин. XII, 23: ὁ δὲ Ἰησοῦς ἀπεκρίθη αὐτοῖς, λέγων· ἐλύτης οὐ φρα, τὸν δοξασθῆ ὁ Γεός τοι Ἀνθρώπῳ: „Іисусъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: прішель часть прославиться Сыну человѣческому“. Опять ясная рѣчь Господа Іисуса Христа о Себѣ тенденціозно переносится на всѣхъ людей, при чёмъ смыслъ ея искажается до нeузнаваемости: вмѣсто прославленія Сына Человѣческаго—Христа говорится о томъ, что всѣ люди—„сыны человѣческие“, т. е. равны по своему существу, такъ какъ во всѣхъ живетъ одинъ и тотъ же духъ Божій. Это все та же, уже знакомая намъ „религіозная идея“ Толстого, которую настойчиво повторяетъ онъ много разъ и дальше. Какъ и раньше, такъ и здѣсь, въ этоѣ мѣстѣ евангельского текста, основанія для нея, какъ видимъ, нѣть никакого. Помимо того, что Господь Іисусъ Христосъ (нигдѣ въ Евангеліяхъ) ни разу не употребляетъ выраженія „Сынъ Человѣческий“ въ приложеніи къ другимъ лю-

открой себя во мнѣ такъ, чтобы я могъ возвеличить съ человѣческаго и объединить всѣхъ людей“¹⁾). На эти слова возразили юдеи: „мы знаемъ, что Христосъ долженъ прійти, но мы не понимаемъ, что значитъ: возвеличить съ

дамъ вообще, именуя такъ только Себя одного, помимо, да! полнаго извращенія смысла этого мѣста Евангелія, мы находимъ у Толстого еще измышленныя прибавленія и между прочимъ кое: „пусть я пострадаю изъ-за этого“. Смысль этихъ слоевъ стоитъ въ связи съ раньше сказаннымъ у Толстого о причинахъ появившейся, будто бы, у учениковъ и у Самаго Христа боязни юдеевъ. Но какъ и эта боязнь и причина ея, такъ и эти написываемыя Иисусу Христу слова представляютъ сплошной вымыселъ Толстого. Ср. его „Соед., перев. и изслѣд. 4 Еванг.“, ч. стр. 76—79 и „Кратк. излож. Еванг.“, стр. 54.

1) Какое мѣсто цитируемой XII главы Евангелія Иоанна зумѣеть здѣсь Толстой? Въ 20 стихѣ читаемъ: „Отче! прослави имя Твое (Πάτερ, δόξασον Σου τὸ ὄνομα). Тогда пришелъ съ Глашь: и прославилъ и еще прославлю“ (καὶ ἐδόξασα, καὶ πάλιν ἔχω). Опускаетъ ли Толстой этотъ стихъ совершенно, или подѣлываетъ его по своему? Изъ справокъ въ его „Соед., перев. и изслѣд. 4 Еванг.“ (ч. III, стр. 79) оказывается, что онъ беретъ лишь первую часть этого стиха и переводить ее такъ: „Отцо! прояви себя!“ Вторая половина стиха, а равно 29 и 30 стихи „пропускаются, по его словамъ, какъ непонятные и ненужны. И странно было бы, если бы Толстой поступилъ иначе: въ здѣсь ясно говорится о чудесномъ „гласѣ съ неба“, прославляемомъ Господа Христа, и о толкованіяхъ его народомъ и Самимъ Христомъ. Слѣдующій 31-й стихъ у Толстого сливается въ съ 28-мъ, 32-й же и послужилъ матеріаломъ для той переработки, въ которой онъ представлена Толстымъ и въ разсмотрѣніи нами книжкѣ и въ „Кратк. излож. Еванг.“ (см. стр. Кѣтѣ ѣхъ ѡѣмѣдѣ ѣхъ тѣсъ г҃ѣ, пакутсъ єхъѣсъ прѣсъ Емсюти. „и къ Я вознесенъ буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ“. У этого получается, неизвѣстно—по какому методу толкованія, и видимъ, уже знакомая намъ (Ін. VIII, 28) мысль о превознесении или возвеличеніи въ себѣ сына человѣческаго. Раньше, по толкованію Ін. VIII, 28, Иисусъ Христосъ говорилъ обѣ юде

иа человѣческаго¹⁾). И сказалъ Іисусъ: „возвеличить сына человѣческаго значитъ жить въ силу духовнаго свѣта. А духовный свѣтъ есть во всѣхъ наась. Сына человѣческаго надъ всѣмъ земнымъ превознести значитъ вѣрить, что духъ Божій живетъ въ каждомъ человѣкѣ²⁾). Кто вѣрить моему

теперь осамомъ Себѣ; но тамъ и здѣсь смыслъ этихъ словъ, по Толстому, очевидно, одинъ и тотъ же: рѣчь идетъ о Толстовскомъ „возвеличеніи или превознесеніи въ себѣ сына человѣческаго“, или о „жизни въ духѣ Божіемъ“, выражаясь языкомъ „религії“ Толстого. Между тѣмъ слѣдующій же 33-й стихъ XII главы Евангелія Іоанна содержитъ въ себѣ ясное указаніе на то, какъ нужно понимать эти слова Господа въ обѣихъ рѣчахъ Его (и въ VIII, 28 и въ XII, 32): „сіе говорилъ Онъ,---прибавлять Евангелість,—давая разумѣть, какою смертію Онъ умретъ“ (*στραῖσθαι τοις θελέσιν ἀποθνήσκειν: назнаменуя, коею смертію хотѧше умрети*). Толстому, конечно, не оставалось ничего другого, какъ вычеркнуть эти слова изъ евангельского текста, что онъ и сдѣлалъ. „Стихъ этотъ совершенно излишенъ“, говорить онъ (ч. III, стр. 80).

1) Совершенно не то сказали Христу слушавшіе Его рѣчь Ин. XII, 34: „народъ отвѣчалъ Ему: мы слышали изъ закона, что Христосъ пребываетъ во вѣкѣ (бы і Христосъ мѣсяцъ твой аѣна); какъ же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну Человѣческому (бы вѣтъ ѿфогнѫши твои Гѣи тобъ 'Ангелъ твой)? Кто этотъ Сынъ Человѣческій? Переведентъ у Толстого этотъ стихъ такъ: „и сказалъ ему народъ: мы знаемъ изъ закона, что владыко не измѣняется во вѣкѣ, какъ же ты говоришь, что нужно быть возвеличену сыну человѣческому, какой такой сынъ человѣческій? А вотъ и толкованіе этого мѣста: „Іисусъ и евреи понимаютъ (?), о чёмъ говорять они. Іисусъ говорить о томъ, что онъ привлечетъ всѣхъ къ себѣ, что когда онъ возвѣжется надъ землей, то и будетъ то, что соединяетъ всѣхъ, т. е. владыко жизни Христосъ... (Соед., перев. и изсл. ч. III, стр. 80). Приводимъ какъ образецъ Толстовскаго „упрощенія“ евангельскаго ученія.

2) Не о какомъ то странномъ мистическомъ „духовномъ свѣтѣ“ говорилъ Господь Іисусъ Христосъ, а о Себѣ и о Своемъ ученіи. См. Ин. XII, 35—36. И здѣсь и въ своихъ „Евангеліяхъ“—

ученію, тогъ вѣрить не мнѣ, но *духу Божію*; духъ же Божій даєтъ жизнь міру и живеть во всѣхъ насъ¹⁾). И кто понимаетъ мое учение, тотъ знаетъ этого духа, ибо этотъ духъ живеть въ немъ и даєтъ міру жизнь²⁾). Но если кто слышитъ эти мои слова и не понимаетъ ихъ³⁾, то я не осуждаю того, ибо я пришелъ не судить, а спасать. Кто моихъ словъ не принимаетъ, тотъ не вѣритъ въ духа Божія, ибо то, что я говорю, говорю не отъ себя, а отъ *духа Отца*. Духъ же Отца живеть во мнѣ. То, что я говорю, сообщилъ мнѣ этотъ духъ“ (SS. 84—86)⁴⁾.

Ограничимся этими немногими выдержками, такъ какъ, полагаемъ, ихъ совершенно достаточно, чтобы видѣть, *какое*

пространномъ (ч. III, стр. 81) и краткомъ (стр. 55) Толстой дальнѣйшіе стихи 37—43 совершенно опускаетъ, потому что въ нихъ ясная рѣчь о божествѣ Христа. Имъ, конечно, не мѣсто въ Толстовскомъ „христіанствѣ“, и онъ, опустивъ ихъ, переходитъ прямо къ стихамъ 44—50.

1) По Ін. XII, 44: „вѣрюющій въ Меня не въ Меня вѣрюетъ, но въ Пославшаго Меня“. (ἀλλ' εἰς τὸν Πέμφαντά Με).

2) „И видящій Меня видить *Пославшаго Меня* (Θεορεῖ τὸν Πέμφαντά Με). Я свѣтъ и пришелъ въ міръ (Ἐγὼ φῶς εἰς τὸν κόσμον ἐλήλυθα), чтобы всякий вѣрюющій въ Меня не оставался во тьмѣ“ (стр. 45—46). Вотъ о какомъ *свѣтѣ* говорить Христосъ. Это не могло не быть известно Толстому и при передачѣ имъ раньше стиховъ 35—36. Но тамъ онъ искажаетъ смыслъ словъ Спасителя, а здѣсь пояснительный 46-й стихъ, конечно, опускаетъ, какъ и въ „Кратк. излож. Еванг.“ (стр. 55).

3) Стихъ 47: „и если кто услышитъ Мои слова и *не повѣритъ* (μὴ πιστεύῃ)“. Въ „Кратк. излож. Еванг.“: „и не исполняетъ“ (стр. 55).

4) Не объ этомъ Толстовскомъ, какомъ то совершенно непонятномъ, живущемъ въ каждомъ человѣкѣ „духъ Отца“, „духъ Божіемъ“, „духъ разумѣнія“ („Кратк. излож. Еванг.“, стр. 55), говорилъ Иисусъ Христосъ. Вотъ слова Его: „Я говорилъ не отъ Себя, но пославшій Меня Отецъ (ὁ πέμψεις Με Πατέρα), Онъ далъ мнѣ заповѣдь, что сказать и что говорить“ (стр. 49).

„ученіе Христа“ содержится въ рассматриваемой книжкѣ Толстого и какими путями добыто оно имъ изъ Евангелія¹⁾. Мы видимъ, какъ излагаетъ Толстой великую евангельскую исторію для дѣтей, признавая въ такой передачѣ ея правильный путь религіозно-нравственнаго воспитанія ихъ. Но интересно при этомъ прослѣдить и самое происхожденіе рассматриваемой книжки.

Невольно вспоминается здѣсь то страшное озлобленіе, съ какимъ не разъ говорить Толстой объ обычномъ религіозномъ воспитаніи дѣтей—путемъ ознакомленія ихъ съ „церковнымъ“ христіанствомъ, съ „Закономъ Божіимъ“. „Стоитъ только ясно понять то, говорить онъ, что мы дѣлаемъ, обучая дѣтей такъ называемому закону Божію, для того, чтобы ужаснуться на страшное преступленіе, совершающее такими обученіемъ“²⁾. „То преподаваніе такъ называемаго закона Божія дѣтямъ, которое совершается среди насъ, есть самое ужасное преступленіе, которое можно только представить себѣ. Истязаніе, убийство, изнасилованіе дѣтей—ничто въ сравненіи съ этимъ преступленіемъ“³⁾. Въ чёмъ заключается это преступленіе? Въ сообщеніи дѣтямъ содержанія Ветхаго и Нового Завѣта, которое, по словамъ Толстого, состоить въ томъ, что „какое то странное, дикое существо, которое мы называемъ бо-

¹⁾ См. еще: о „духѣ Божіемъ, живущемъ въ каждомъ человѣкѣ“—стр. 1, 20 (Ін. III, 5—6, 8), 24 (Мо. VI, 9), 31 (Мо. X, 19), 38 (Мо. XXV, 14—30), 47 (Лк. IX, 52—56), 78 (Мрк. XII, 1—9) и др.: о „сынѣ человѣческомъ“—стр. 67 (Мрк. X, 45); о „духѣ истины“—стр. 93 (Ін. XIV, 26—28), 95—96 (Ін. XVI, 12—15); о подати на храмъ отъ „сыновъ Божихъ“—стр. 45—46 (Мо. XVII, 24—27); о тайной вечери—стр. 89—91 (Мо. XXVI, 17—30; Ін. XIII, 1—35) и др.

²⁾ „Мысли о воспит. и обуч.“, стр. 26.

³⁾ Тамъ же, стр. 28.

гомъ (?!), вадумало створить міръ, створило его и человѣка, и что человѣкъ согрѣшилъ, злой богъ (!) наказалъ его и всѣхъ нась за это, потомъ выкупилъ (?) у самого себя смертью своего сына; и что наше главное дѣло состоить въ томъ, чтобы умилостивить этого бога и избавиться отъ тѣхъ страданій, на которые онъ обрекъ нась"... „У ребенка есть смутное представление о томъ, что есть то начало всего, та причина его существованія и сила, во власти которой онъ находится... И вдругъ вмѣсто этого ему говорятъ (!?), что начало это есть не что иное, какъ какое то личное, самодурное и страшное злое существо—еврейскій богъ... У всякаго ребенка есть и сознаніе того, что обязанности человѣка очень сложны и лежать въ области нравственной. Ему говорятъ, вмѣсто этого (?), что обязанности его лежать преимущественно въ спѣшной вѣрѣ, въ молитвахъ—произнесеніи извѣстныхъ словъ въ извѣстное время (?), въ глотаніи вина и хлѣба (!), которые должны представлять кровь и тѣло бога. Не говоря уже объ иконахъ, чудесахъ, безнравственныхъ разсказахъ библіи, передаваемыхъ какъ образцы поступковъ (!), такъ же какъ и объ евангельскихъ чудесахъ и обо всемъ безнравственномъ значеніи (?), которое придано евангельской исторії¹⁾. Въ такихъ и подобныхъ злобно-кощунственныхъ выраженияхъ много разъ передаетъ Толстой то, будто бы христіански-церковное, толкованіе Ветхого и Новозавѣтного ученіл, которымъ, по его словамъ, обычное религиозное воспитаніе „отравляетъ“ дѣтскую душу, „развращаетъ чистые дѣтскіе умы и сердца“. Естественно, конечно, было бы спросить послѣ этого: почему же люди сознательно причиняютъ своимъ и чужимъ дѣтямъ такое страшное зло? Вѣдь самъ же Толстой говоритъ: „если я знаю, что обманъ—обманъ, то ни при какихъ условіяхъ я

¹⁾ Тамъ же, стр. 26 -27.

не могу говорить ребенку, наивно, довѣрчиво спрашивающему меня, что извѣстный мнѣ обманъ есть священная истина¹⁾). А если такъ, то что же это такое: почему же допускается этотъ ужасный обманъ? Не значитъ ли это, что всѣ вѣрующіе люди совершенно не такъ понимаютъ содержание откровенного ученія Ветхаго и Нового Завѣта, какъ кощунственно изображаетъ его Толстой, а потому иначе оцѣниваютъ и воспитательное значеніе его? Нѣть, по Толстому, вопросъ рѣшается иначе: „правительству, говорить онъ, правящимъ, властвующимъ классамъ нуженъ этотъ обманъ: съ нимъ неразрывно связана ихъ власть и потому правящіе классы всегда стоятъ за то, чтобы этотъ обманъ производился надъ дѣтьми и поддерживался бы усиленной гипнотизаціей (?) надъ взрослыми“²⁾. Вотъ гдѣ весьма (даже слишкомъ) простая разгадка этого, казалось бы, чрезвычайно странного явленія. Такимъ образомъ, прияя „къ убѣжденію, что наше церковное ученіе есть безсовѣстная и вредная ложь, а преподаваніе его дѣтямъ есть величайшее преступленіе“³⁾, Толстой и рѣшилъ *самостоятельно* истолковывать ученіе Христа, найти въ немъ *истинный „смыслъ жизни“* и посредствомъ вѣрной передачи его дѣтямъ поставить на правильный путь религіозно-правственное воспитаніе ихъ.

„Основа всякой человѣческой жизни, говорить онъ, есть религіозное жизнепониманіе.. Въ основу всего должно стать религіозное ученіе такое, какое было бы согласно со степенью просвѣщенія людей безъ различія национальностей и положеній... И такое ученіе есть – ученіе христіанское въ самомъ простомъ и разумномъ его выраженіи“⁴⁾... Но какъ же добыть этотъ простой общепонятный, а не столь злостно

¹⁾ Тамъ же, стр. 28.

²⁾ Тамъ же, стр. 28.

³⁾ Тамъ же, стр. 29.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 7.

намѣренно искажаемый церковью, смыслъ христіанскаго ученія? Опять, по Толстому, очень просто. „Богъ открылъ истину людямъ. Я—человѣкъ и потому не только имѣю право, но долженъ воспользоваться ею и стать къ ней лицомъ къ лицу безъ посредниковъ. Если Богъ говоритъ въ этихъ книгахъ“ (въ Новозавѣтномъ Писаніи, изъ которого Толстой беретъ лишь Евангелія), „то Онъ знаетъ слабость моего ума и будетъ говорить мнѣ такъ, чтобы не ввести меня въ обманъ“... „Откровеніемъ же я называю то, что даетъ отвѣтъ на тотъ неразрѣшимый разумомъ вопросъ, который привелъ меня къ отчаянію и самоубійству,—какой смыслъ имѣть моя жизнь? Отвѣтъ этотъ долженъ быть понятенъ и не противорѣчить законамъ разума... потому что противорѣчивому отвѣту я не повѣрю, и потому онъ долженъ быть не только понятенъ и не произведенъ, а неизбѣженъ для разума... Отвѣтъ долженъ отвѣтить на мой вопросъ—какой смыслъ имѣть моя жизнь? Если онъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, то онъ мнѣ не нуженъ.. Отвѣтъ долженъ быть не только разуменъ, ясенъ, но и вѣренъ, т. е. такой, чтобы я повѣрилъ въ него всею душою, неизбѣжно вѣриль бы въ него“¹⁾... Выходя изъ такихъ соображеній и поставивъ по отношению къ Евангелію такія требованія свои, Толстой и пustился на самостоятельные поиски заключающагося въ немъ смысла жизни.

Итакъ, вотъ что привело Толстого къ его собственному толкованію Евангельского ученія вообще и къ „дѣтскому переложенію“ его, въ частности. Это, во-первыхъ, полное отрицаніе „церковнаго“ христіанскаго ученія, дошедшее до страшнаго озлобленія, выразившагося въ кощунственныхъ издѣвательствахъ надъ глубочайшими и святѣйшими истинами христіанской вѣры и, во-вторыхъ, полное довѣріе

¹⁾ „Соодин., перев. и изслѣд. 4-хъ Евангелій“. Ч. I, стр. 6—7.

къ себѣ, къ своимъ личнымъ силамъ, къ своей способности „безъ посредниковъ“, самостоятельно, лучше всѣхъ разобраться въ евангельскомъ текстѣ и извлечь изъ него такой „смыслъ жизни“, который вполнѣ отвѣчалъ бы его, Толстого, требованіямъ. Безъ всякихъ руководствъ (?), но зато съ известными, хотя и не вполнѣ ясными идеями своей религіозной философіи отправляется Толстой въ свои странствованія по необозримому морю евангельского текста. Ему нужно одно: найти въ Евангеліяхъ то, что какъ нибудь отвѣчало бы его предвзятымъ идеямъ и тѣмъ давало бы имъ авторитетъ высочайшій, авторитетъ ученія Христова. Чтобы достичь такой цѣли, Толстой, какъ мы могли убѣдиться, не останавливается ни передъ чѣмъ: онъ совершенно не считается съ текстомъ, не только выбрасывая изъ него все не отвѣчающее его „религії“, произвольно переставляя, сокращая, по-своему толкуя, но и вставляя цѣлые „пояснительные“ эпизоды отъ себя, сочиняя ихъ¹⁾). Не удивительно, что идя такимъ „самостоятельнымъ“ путемъ, можно прійти къ выводамъ, какимъ угодно. И Толстой „нашелъ“ то, чего искалъ: авторитетъ Самого Христа, по его мнѣнію, увѣнчалъ его міровозрѣніе. Не даромъ онъ испытывалъ „продолженіе всей этой долгой работы“ особые „сосредоточенное, постоянно восторженное душевное напряженіе“²⁾; было изъ-за чего волноваться... Итакъ, искомый, якобы евангельскій, т. е. Христовъ смыслъ жизни найденъ.

1) Поэтому всякий, кто взялъ бы на себя задачу полемизировать съ Толстымъ, анализируя его „Соединеніе, переводъ и изслѣд. 4 хъ евангелій“ на почвѣ дѣйствительного евангельского текста, можетъ быть поставленъ въ большое затрудненіе: большую частью спорить не о чѣмъ, такъ какъ на этой почвѣ почти не оказывается точекъ соприкосновенія: у Толстого *свой собственный* евангельский тестъ.

2) Тамъ же: „Предисловіо къ первому изданію“.

день; остается па тѣхъ же основахъ построить и религіозное воспитаніе дѣтей, которому Толстой придаетъ должное, по справедливости принадлежащее ему значеніе. И вотъ онъ издастъ свое „ученіе Христа, изложенное для дѣтей“. Гаковъ генезисъ этой книжки его.

Послѣ этого должно быть понятно и педагогическое значеніе ея. Какъ уже было сказано вначалѣ, та главная цѣль, къ которой стремятся и Толстой и издатель нѣмецкаго перевода его книжки, можетъ быть достигнута ею вполнѣ: изъ чистой дѣтской души, такъ жаждущей живого личнаго Бога, этотъ Богъ якобы евангельскими рассказами Толстого объ „Іисусѣ и его ученіи“ будетъ изгнанъ. Но что же водворится тамъ на Его мѣстѣ? Туманный буддизмъ Толстого? Мы отчасти познакомились съ нимъ и потому можемъ судить, насколько, во-первыхъ, трудно будетъ хоть до вѣкоторой степени растолковать его дѣтскому уму. Несясная, отвлеченная, не дающая никакихъ живыхъ реальныхъ представлений эта религіозная философія Толстого, какъ бы ни измѣнялъ онъ въ угоду ей евангельскій текстъ, всегда будетъ недоступна дѣтскому пониманію, разъ такъ трудно разобраться въ ней и уму взрослого человѣка. Во-вторыхъ, что самое главное, какъ обосновать на ней, съ должною непоколебимостью, высокія христіанскія нормы нравственной жизни человѣка? Какое отношеніе между общими пантегистическими принципами „религії“ Толстого, проведенными послѣдовательно до конца, и нравственными идеалами христіянства?

Естественно возникаетъ вопросъ: гдѣ у Толстого основы его якобы христіанской морали? — въ какой-то „волѣ Божией“, въ велѣніяхъ какого то будто бы живущаго въ человѣкѣ „духа Божія“. Но кто или что этотъ „Богъ“ Толстого, сливающійся съ міромъ, разсѣевающійся въ немъ, чтобы человѣкъ сталъ слушаться его, да и гдѣ, въ чемъ ясный, удобопонятный голосъ его? Если толковать послѣдній въ наибо-

иѣе понятномъ смыслъ голоса человѣческой совѣсти, то и въ такомъ случаѣ велѣнія этого „духа“, неясныя и даже не всегда одинаковыя по своему содержанію, не могутъ имѣть характера безусловной нравственной обязательности. На чёмъ долженъ основываться столь высокій, якобы божественный авторитетъ этого „голоса Божія“ при пантейтическомъ пониманіи идеи Бога, дающемъ широкій просторъ признанію этого „голоса“ въ чёмъ угодно и толкованіямъ его какимъ-угодно? Даѣтъ, въ самомъ человѣкѣ есть ли необходимыя условія для такого выполненія воли Божіей, которое имѣло бы характеръ нравственной вмѣняемости? При послѣдовательномъ проведенії общихъ пантейтическихъ началъ Толстовской религіозной философіи нельзѧ объяснить, а потому нельзѧ и допустить (чего и не дѣлаетъ Толстой) ни личнаго человѣческаго бытія, въ смыслѣ бытія индивидуальной человѣческой субстанціи (а не „животной личности“, о которой говоритъ Толстой), ни свободы человѣческаго самоопределѣленія и дѣйствія, ни разумной основы послѣдняго. А если такъ, то можно-ли при этомъ говорить о нравственной вмѣняемости человѣку его поступковъ, о добродѣтели или порокѣ, о нравственности вообще?

Такимъ образомъ Толстой, въ своихъ самостоятельныхъ поискахъ „простого и разумнаго“ пониманія евангельскаго ученія Христа Спасителя, сознательно и тенденціозно выбрасывая изъ него якобы совершенно ненужную и противорѣчашую человѣческому разуму догматическую основу его, тѣмъ самымъ обрекаетъ на неустойчивость и крушеніе и ту нравственную сторону ученія Христова, которую онъ хочеть, въ своемъ освѣщеніи, присоединить къ своему пантейзму и передать дѣтямъ. Тѣ глубочайшія богооткровенныя истины, на которыхъ незыблемо поконится вся христіанская мораль, не могутъ быть замѣнены для нея туманною философіей Толстого о „духѣ Божіемъ въ человѣкѣ“, о „превознесеніи въ себѣ сына человѣческаго“ и т. п., потому что пантейзмъ

Толстого, взятый во всемъ своемъ объемѣ и проведенный послѣдовательно, къ христіанской морали не имѣть никакого отношенія. Напротивъ, онъ ведетъ къ тому „аскетическому и квіетистическому эвдемонизму“, въ которомъ, по мнѣнію профессора А. А. Козлова, сущность всей этики Толстого въ его книгѣ „О жизни“¹⁾.

Да иначе не можетъ быть. Какъ изъ принциповъ религіозной метафизики пантегиазма вывестъ высокую мораль христіанства? Естественно, что и мораль должна получиться соответствующая имъ,—имѣющая въ виду не положительную цѣль нравственной самодѣятельности человѣка, развитіе и нравственное усовершенствованіе свободной человѣческой личности, направляющеся къ высочайшему нравственному идеалу („будите убо вы совершеніи, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“—Мо. V, 48), а лишь отрицательную цѣль — избавленіе человѣка отъ тѣхъ страданій, какими должна быть полна для него вся его жизнь, омраченная сознаніемъ, что „жить для цѣлей личности разумному существу нельзя, нельзя потому, что все пути заказаны ему“, сознаніемъ „тищеты существованія личности, невозможности ея блага“²⁾). Таковъ именно и есть характеръ всей морали Толстого съ ея основными направленіемъ—непротивленіемъ злу и съ ея столь увлекательнымъ на первый взглядъ по своей высотѣ, кажущимся чисто христіанскимъ, принципомъ самоотверженной любви ко всѣмъ людямъ.

Толстовскій путь нравственности — непротивленіе злу, отрицательный по своему существу (таковы все „заповѣди“ Толстого), будучи проведенъ послѣдовательно, долженъ привести человѣка къ состоянію нравственной пассивности,

¹⁾ См. Вопросы филос. и психол. 1891 г. кн. 8, стр. 108—109.

²⁾ „О жизни“, гл. XXII, стр. 74, гл. XXIV, стр. 84.

нравственного безразличія, равнодушія; во всякомъ же случаѣ это еще не путь къ нравственному совершенству, о которомъ не можетъ быть и рѣчи безъ нравственныхъ принциповъ положительного, созидаельного характера. Но можетъ быть, здѣсь, въ этомъ непротивлѣніи злу, человѣкъ дѣлаетъ первые подготовительные шаги на пути къ идеалу нравственного совершенства, самый же путь къ нему онъ пройдетъ, руководясь Толстовскимъ принципомъ „любви“? Однако, что представляется и эта „истинная“ любовь Толстого по своему существу? Какой смыслъ ея, при отрицаніи личного субстанціального бытія человѣка, при пониманіи смысла „истинной“ жизни его лишь въ сліяніи съ безконечнымъ, только въ жизни „цѣлаго“, въ жизни общей, взятой во всемъ, ея объемѣ? При такомъ пониманіи смысла жизни можетъ ли „любовь“ Толстого служить надежнымъ руководителемъ нравственного развитія человѣка? Толстой „зоветъ... къ жизни для другихъ, къ служению людямъ, отреченію отъ жизни личной. Но посвященіе себя на служеніе ближнимъ, работа для другихъ, любовь къ человѣчеству — все это должно умереть при толстовскомъ пониманіи смысла жизни, безъ вѣры въ личное бессмертіе. Нѣтъ у нихъ тогда жизненныхъ соковъ, нѣтъ основы ни въ разумѣ, ни въ сердцѣ. Служеніе человѣчеству, „жизнь сына человѣческаго“ въ концѣ концовъ оказываются безмыслины и не нужны“¹⁾).

Они оказались нужными самому Толстому, который, утративъ вѣру и не найдя безъ нея никакого смысла въ человѣческомъ существованіи, мучимый созаніемъ полнѣйшей „тщеты“ такого существованія, послѣ долгихъ томительныхъ исканій ухватился, наконецъ, за эту давно известную и ничего новаго не представляющую пантегистическую идею

¹⁾) Б. Титлиновъ. „Христіанство“ гр. Л. Н. Толстого и христианство Евангелія. СПБ. 1907, стр. 94—95.

человѣческой жизни въ сліяніи съ міровымъ „цѣлымъ“, а отсюда и самоотверженного служенія этому „цѣлому“, любви ко всѣмъ людямъ. Но ясно, что на общей основе такого міровоззрѣнія и эта „истинная“ любовь Толстого получаетъ совершенно иное сравнительно съ христіанствомъ, чуждое ему освѣщеніе. „Любовь и самопожертвованіе, проповѣдуемые гр. Толстымъ, невѣроно называются имъ любовью къ людямъ; на самомъ же дѣлѣ послѣдняя есть любовь къ себѣ. Она есть не что иное, какъ средство избавиться отъ страданій. Любящій, у гр. Толстого, отдаетъ все другимъ не потому, что онъ, по любви къ нимъ, хочетъ счастія этихъ другихъ, а потому, что счастіе невозможно для него самого... Если этическій принципъ гр. Толстого и можетъ быть названъ „любовью“, то любовью не къ другимъ, а къ самому себѣ. Но такъ какъ въ то же время полное осуществленіе этого принципа превращаетъ любящее себя я въ нечто всеобщее и безличное, или, что все равно для него, въ *ничто*, то вся этика, основанная на этомъ принципѣ, оказывается иллюзорною, ибо ставить цѣль мнимую—благо, исчезающее тогда, когда стремящійся къ нему считаетъ его достигнутымъ“¹⁾). Вотъ конечные выводы изъ якобы христіанской этики Толстого.

Итакъ, къ чему же должна привести дѣтей, имѣющихъ потомъ стать взрослыми людьми, разсматриваемая нами, книжка Толстого? Къ христіанству безъ Христа, какъ того хочетъ авторъ, къ высокой христіанской нравственности безъ столь ненавистной ему „церковной“ догматики? Нѣтъ: отвергая Христа—Бога, онъ отвергаетъ и самое христіанство въ его существѣ, какъ религию богооткровенную съ универсальнымъ значеніемъ. Что же касается при этомъ, въ

¹⁾ А. А. Козловъ. См. Вопросы филос. и псих. 1891 г. кн. 8, стр. 94—95.

частности, предлагаемой Толстымъ якобы христіанской морали, то если даже взять ее виѣ связи съ общюю пантеистическою метафизикою Толстого и придать ей даже христіанскій смыслъ, какъ дѣлаеть, вѣроятно, большинство изъ послѣдователей Толстого, то и въ такомъ случаѣ она не можетъ служить надежнымъ руководствомъ ни для нравственной жизни человѣка, ни для нравственного воспитанія дѣтей, какъ того хочетъ Толстой, потому что она лишена будетъ столь необходимаго ей характера твердости, устойчивости. Оторванная отъ глубочайшихъ догматическихъ истинъ ученія Христа Спасителя и потому лишенная своей основы, она окажется ничѣмъ не защищеною или защищеною слишкомъ слабо отъ всякаго порыва философскаго вѣтра съ противнымъ теченіемъ, будѣтъ-ли то со стороны пресловутаго иицшеанства или откуда еще. Но вѣдь нельзя же разрывать на части то, что представляеть одно цѣльное міровоззрѣніе, и рассматривать одно нравственное ученіе Толстого безъ связи съ общюю пантеистическою основою его. Освѣщаая же одно другимъ, нельзя не видѣть, какъ изъ этики Толстого исчезаетъ при этомъ приписываемый ей христіанскій характеръ, и рельефно выступаютъ очертанія совершенно иного начала жизни, проникнутаго тѣмъ же духомъ пантеизма, какъ и вся „религія“ Толстого.

Если такъ, то зачѣмъ же предлагать дѣтскому уму это Толстовское „ученіе Христа“ вмѣсто дѣйствительнаго? Зачѣмъ собственными руками закрывать дѣтское сердце, Самимъ Творцомъ открытое для благодатныхъ лучей вѣры, и сковывать его мертвящимъ холодомъ туманной „религіи“ безъ личнаго Бога?

Н. Маккавейскій.